мастера искусств о себе

СПАСИБО, ПУШКИН!

Сергей ЛЕМЕШЕВ,
народный артист СССР

С. Я. ЛЕМЕШЕВ...

...в роли Дубровского

...в роли Ленского

ГОРЬКИЕ годы детства... Поздно вечером моя мать Акулина Сергеевна, батрачившая у помещика, возвращалась в нашу крохотную избушку. Приходила мама усталая, измученная. А мы с младшим братишкой Ленькой безжалостно требовали у нее сказок. Мама была мастерица сказывать сказки: речь ее, живая, затейливая, до сих пор звучит в памяти. Откуда же знала неграмотная крестьянка сказки Пушкина? Ей, что ли, кто их сказывал? Или при ней читал? Так или иначе, но с пяти моих лет пушкинские сказки вошли в мое детство, украсили его, стали лучшим о нем воспоминанием.

В юности мне повезло. Из Москвы в тверскую деревню Старое Князево, где мы жили, приехал инженер-архитектор Николай Александрович Квашнин с семьей. По заданию Наркомпроса он открыл ремесленную школу для крестьянской молодежи. Страстный театрал и музыкант-любитель, он организовал при деревенской школе театрально-музыкальный кружок. Я любил петь, пел охотно, много, всегда. Услыхав однажды мой голос, Квашнин предложил мне брать уроки пения у его жены Евгении Николаевны, окончившей Саратовскую консерваторию. Так, в семнадцать лет, произошла моя вторая встреча с Пушкиным. Уроки пения начались с того, что Квашнины дали мне прочитать роман «Евгений Онегин». На этот сюжет, сказали они, композитор Чайковский написал великую оперу. Там есть замечательная партия Ленского, и я, если стану хорошо учиться, спою ее.

Вскоре я выучил арию Ленского. «Дебют» с нею состоялся в Твери, в клубном концерте, ради которого я прошагал в декабрьский тридцатиградусный мороз около... ста верст из Князева и обратно.

Чего только не сделаешь в 17 лет! Ведь говорят: искусство требует жертв...

Думал ли я тогда, что через восемь лет буду исполнять партию Ленского на сцене оперной студии, руководимой Константином Сергеевичем Станиславским, а 7 сентября 1931 года впервые буду петь в опере «Евгений Онегин» в Большом театре и стану его солистом? Конечно же, был голос, были хорошие люди вокруг, открывшие для меня мир музыки, была светлая новь Страны Советов, в которой сын батрачки мог стать солистом оперы. Все это так. Но у меня был еще и особый покровитель — гений Пушкина. Ведь поступил я весной 1920 года в кавалерийское училище в какой-то мере и потому, что на вступительном экзамене хорошо прочитал отрывки из «Евгения Онегина». Впоследствии командование военного училища оценило мои вокальные данные и направило кавалериста Лемешева на учебу в Московскую консерваторию.

С восторгом, затаив дыхание, слушал я, зажатый на галерке Большого театра, «Евгения Онегина» с Леонидом Собиновым — Ленским. Я восхищался Собиновым и, к сожалению, не избежал подражания, испытав на себе всю его бесплодность, но впоследствии я нашел свое собственное представление о Ленском.

И вот я на конкурсе в оперной студии, руководимой К. С. Станиславским. О, счастье, меня заметил сам Константин Сергеевич! Я принят в студию, мне поручена работа над ролью Ленского. Репетиции вел сам Станиславский. На студийной сцене «Евгений Онегин» шел под рояль.

В течение полутора лет под непосредственным руководством Константина Сергеевича работаю над партией Ленского. И вот однажды, совершенно неожиданно для меня, мне сообщили, что основной исполнитель партии Ленского С. С. Смирнов заболел и что я должен его заменить.

Утром в день спектакля я пришел в студию и с режиссером Зинаидой Сергеевной Алексеевой — сестрой К. С. Станиславского — повторил мои сцены. Константин Сергеевич ласково сказал, чтобы меня не очень утомляли. Затем участливо спросил:

— Есть ли у вас обед? Не можете ли вы у нас остаться пообедать, а потом отдохнуть?

Меня это смутило, я даже растерялся и, поблагодарив, сказал, что у меня все есть. Мои мысли были заполнены предстоящим дебютом, и доброта Станиславского как бы означала, что и Пушкин будет снисходителен ко мне.

Что в эти часы думал и чувствовал дебютант? Раз Станиславский выпускает меня в открытый спектакль, значит я уже постиг все тайны образа Ленского? Молодости свойственна уверенность, если не самоуверенность. Примерно за полтора часа до начала спектакля я пришел в артистическую. Здесь уже был гример, который начал меня готовить к выступлению. Открылась дверь, и вошел Станиславский.

— Вы его не гримируйте, — сказал Константин Сергеевич, — наденьте парик, немного освежите глаза, губы. Он в жизни — Ленский.

Хотя мне в то время было 22 года, но выглядел я восемнадцатилетним юношей... Волновался я отчаянно. А Константин Сергеевич шутил со мной, стремился создать у меня перед спектаклем соответствующее настроение, вводил меня в атмосферу пушкинской постановки.

— Вот как вы думаете, — спросил он, — что Ленский с Онегиным выехали уже сейчас к Лариным?

— Думаю, — ответил я, — что если они живут в десяти верстах от Лариных, то уже выехали...

В том спектакле «Онегина» на сцене оперной студии я спел партию Ленского удачно, все как будто было верно. Немногочисленная публика тепло приняла мое выступление.

После сцены дуэли я в счастливом парении духа прошел в артистическую. Тут же появился Станиславский. И вдруг он сказал:

— Ну, что ж! Ничего. Если будете много работать, то, может быть, что-нибудь и получится...

Константин Сергеевич произнес эти слова в доброжелательном тоне, дал понять, что у меня есть данные для того, чтобы стать **артистом** в его понимании. Я был огорчен. Наивный паренек, я думал, что удачный дебют уже все решил. Однако при всем разочаровании замечанием Станиславского я все же не растерялся, знал, что Константин Сергеевич никогда не хвалит. Но раз он меня не бранит, и это уже хорошо... Теперь, через десятилетия, я понимаю, что устами Станиславского со мной говорил мой единственный высокий покровитель. И он был прав безусловно.

Сорок лет беспрерывно, с 1925 по 1965 год, я пел партию Ленского, исполнив ее более пятисот раз. Ленский, совершенный пушкинский образ, прошел через всю мою сценическую жизнь, принес много творческой радости, стал моей вечной студией.

...Сбылась заветная мечта. Я стал солистом Большого театра. Меня окружало целое созвездие замечательных певцов.

Приветливое, хорошее отношение мастеров Большого театра к молодому певцу всячески ободряло, в «Евгения Онегина» я был введен с... двух репетиций!

Вспоминаю первую встречу с моим кумиром Леонидом Витальевичем Собиновым. Когда я поздоровался с ним и назвал свое имя, Собинов ласково сказал:

— Ах, Лемешев! Так это вас я слушал по радио третьего дня в Ленском? Включил приемник и услышал ариозо. Удивился, что незнакомый кто-то поет, но хорошо...

Похвала Собинова, его доброжелательность ко мне, дружеские советы, особенно его слова: «Хорошо, что вы соображаете, **что** поете» — воодушевили и вдохнули новые силы для предстоящих выступлений...

Со многими из выдающихся мастеров Большого театра мне посчастливилось петь в спектаклях. Вот уж где я прошел школу вокального искусства! Первые годы работы в Большом театре были «моими университетами»...

Значительную роль в моем становлении как певца и артиста после К. С. Станиславского сыграл режиссер Л. В. Баратов — воспитанник школы Художественного театра. Он мне помог воскресить в памяти уроки оперной студии, обновить репертуар, знакомый по работе на оперных сценах Свердловска и Тбилиси. Я стал чувствовать себя в Большом театре более свободно, мог уже значительно масштабнее творчески мыслить и самостоятельно совершенствоваться.

Вот тогда-то я начал мечтать о второй встрече с Пушкиным на оперной сцене — о роли Владимира Дубровского.

Дубровский захватил меня мужественным благородством, непримиримостью к насилию, произволу, несправедливости. Дубровский был особенно понятен, вероятно, еще и потому, что я хорошо помнил свое безрадостное деревенское детство, мать, батрачившую у помещика. Ненависть к Троекурову вовсе не казалась мне архаическим чувством, а Дубровский — старинным героем. Работая над партией Дубровского, я ориентировался на литературный образ повести, стремился к полноте его отображения.

Долго и тщательно проникал я в романсы на пушкинские стихи. Когда произносишь его строфы, чувствуешь их обжигающую искренность и сам стремишься быть предельно искренним, открытым, стараешься помнить особые интонации русского языка. И если ария или романс хорошо звучат, кажется, Пушкин радуется вместе со мною, радуется за меня, что я его понял и об этом узнают люди.

С этим ощущением я обычно репетировал свои концерты на пушкинские стихи, которых в моей творческой жизни было немало. И только после концертов по дороге домой я иногда ощущал то блаженное чувство легкости и счастья, которое когда-то в юности посетило парнишку, отшагавшего в морозном декабре сотню километров из деревни в Тверь и обратно, чтобы спеть арию Ленского. И вспоминал фразу незабвенного Константина Сергеевича: «Если будете много работать, то, может быть, что-нибудь и получится». Сбылись вещие слова учителя, думал я, получилось!

Спасибо, Пушкин, спасибо Станиславский, спасибо, музыка, тебе, что ты меня не оставляешь...

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
г. МОСКВА